

УДК 811.111'22
ББК 81.2

ЛИНГВОСЕМИОТИКА МАГИИ В СКАЗОЧНОМ ДИСКУРСЕ

Астафурова Татьяна Николаевна

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой профессиональной иноязычной коммуникации Волгоградского государственного университета
pic@volsu.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Плахова Ольга Александровна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания иностранных языков и культур Тольяттинского государственного университета
plahova_oa@mail.ru
ул. Белорусская, 16в, 445667 г. Тольятти, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена лингвосемиотическому описанию волшебной и погодной магии в англоязычном сказочном дискурсе. Структурными элементами магической деятельности выступают субъект и объект обрядовых действий, цель, место и время обряда, обрядовый инструментарий и магические действия.

Ключевые слова: лингвосемиотика, знак, культурный код, сказочный дискурс, мифологическое сознание, картина мира.

Органическое единство мифа и ритуала, реализуемое комплексом музыкальных, акциональных и вербальных средств, самым тесным образом было связано с магической сферой. Тесная корреляция магии и мифа обусловлена особенностями мифологического сознания и функциями порождаемых им мифов, в которых аккумулированы не только система взглядов, объясняющих окружающий мир, и правил, регламентирующих поведение человека в нем, но и представления о возможном воздействии на объекты действительности с целью создания более благоприятных для себя условий существования.

Б. Малиновский акцентирует внимание на мобилизующей функции магических действий и анализе потребностей, удовлетворяемых магией. По его мнению, применение магии непосредственным образом связано с ситуациями неопределенности, опасности, крайнего эмоционального напряжения. «Магичес-

кие ритуалы, большая часть магических формул и принципов, колдовские приемы – все это восходит к бурным переживаниям, испытанным людьми в труднейших ситуациях их практической жизни, в безвыходных тупиках, в попытках найти бреши в стене, воздвигаемой несовершенством их культуры» [5, с. 93].

Дж. Фрэнгер характеризует два вида магии – позитивную и негативную. Цель позитивной магии (колдовства) – способствовать тому, чтобы благоприятное событие произошло; цель негативной магии (табу) – препятствовать тому, чтобы нежелательное событие произошло [7, с. 27]. Бытовая магия обладает ярко выраженным суггестивным потенциалом и реализует базовые стратегии предостережения, отраженные в приметах; коррекции, фиксируемые в заговорах [очищающая (катартическая) магия]; протекции, присутствующие в заклинаниях и символически насыщенных ритуалах [отгонная (апотропеическая) магия] [1, с. 176].

В теории мифа Дж. Фрэзера ритуал ставится выше мифа, поскольку миф есть «не более чем приложение к ритуалу, лишь словесное объяснение, “проговаривание” тех действий, которые осуществляются в ритуале» (цит. по: [3, с. 28]). Словесные объяснения, представленные мифами, с течением времени трансформировались в особые магические формулы, многие из которых широко распространены в народной культуре и относятся исследователями к сакральным текстам. К ним, как правило, причисляют заклинания, приметы, заговоры как языковую проекцию стереотипов этнического сознания; в них отражаются суеверия, обычаи, народный календарь природы и регламентированные формы коммуникации, в том числе с магическими силами [2, с. 68].

Сакральные тексты в своем полном или редуцированном виде присутствуют в сказочном дискурсе. Их включенность в сказочный дискурс обусловлена генетикой народной сказки и ее синкретическим характером. В сказочном дискурсе сакральные тексты (в частности, заговорные формулы) и магические действия выполняют сюжетообразующую функцию и служат средством характеристики эмоционального состояния героя [6, с. 387–389]. В рамках данной публикации предполагается рассмотрение лингвосомиотических и дискурсивных средств, организующих сферу магии в английской сказочной картине мира.

Заклинания достаточно часто отождествляются с заговорами, что особенно отчетливо наблюдается в соответствующих дефинициях толковых словарей, в которых заклинание трактуется как синоним заговора: *заговор* – набор слов и выражений, предназначенный по суеверным представлениям воздействовать как колдовское или целебное средство; *заклинание* (*устар. быт.*) (ССРЛЯ, т. 4, с. 354). Наиболее отчетливо граница между заклинаниями и заговорами проведена в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова. Являясь производным от глагола *заклинать*, существительное *заклинание* сохраняет в своей семантической структуре основные смыслы производящего глагола. Ср.:

– *заклинание* – 1) см. *заклинать*; 2) в старинных суеверных представлениях: магические слова, звуки, которыми заклинают (во 2-м значении);

– *заклинать* – 2) в старинных суеверных представлениях: подчинять себе, произнося магические слова, издавая магические звуки (Ожегов, с. 210).

Иными словами, под заговорами понимаются вербально-суггестивные тексты, направленные на исполнение апотропеической и катартической магии. Заклинания носят вербально-акциональный характер и направлены на исполнение ритуалов бытовой магии [8, с. 11], поскольку их основная задача – подчинить себе посредством произнесения особых магических формул превосходящие человека сверхъестественные силы, заставив их работать на реализацию собственных целей. Собственные намерения, в свою очередь, могут носить как созидательный, так и разрушительный характер, и быть ориентированы либо на привлечение к себе удачи, благосклонности и т. д., либо на нанесение другому (чаще противнику) вреда разной степени тяжести. Именно с реализацией вредоносных намерений связано развитие у существительного *заклинание* производного значения «проклятие, ругательство» (ССРЛЯ, т. 4, с. 523).

В аспекте интенциональности лингвосомиотическое пространство заклинаний в англоязычном сказочном дискурсе поддерживается знаками, номинирующими магические формулы (*charm, incantation, spell*), проклятия и благословения (*swearing, malison, curse, cursing, language, blessing*). Способ произнесения магических формул сохраняется в семантической структуре соответствующих номинаций в качестве мотивирующего признака. Лексемы *charm* и *incantation* указывают на интонационный и мелодический рисунок сакральных слов как обязательное условие исполнения магических формул. Существительное *charm* связывают с L *carmen, carmine-song, oracular response, incantation*. Лексема *incantation* характеризуется сходной внутренней формой, восходя к L *incantâtiô, -ôn-, f. incantâre chant, charm, f. in + cantâre sing, chant* (Hoad, p. 71, 231). В сказочном дискурсе лексемы *charm* и *incantation* встречаются в составе сложных процессных знаков с глаголом *sing* в качестве ядерного элемента.

Синонимичное им существительное *spell*, восходящее к OE *spel(1) = OS, OHG spel, ON spjal, Goth spill recital, tale* (Hoad, p. 452),

аккумулирует в своей внутренней форме древнейшие представления о сакральном характере слова, в том числе слова начертанного. Письмо в глубокой древности было привилегией избранного класса жрецов как носителей эзотерических знаний и служило для выполнения ритуальной, магической функции. Книги являлись для людей непосвященных хранилищем тайной мудрости и наделялись священными свойствами. Пользоваться ими могли лишь люди, облеченные соответствующей властью; только они могли справиться с силами, природа которых раскрывалась в сакральных книгах.

Процесс действия заклинания и состояние объекта, в отношении которого произведено магическое действие, номинируются соответственно *spellbind* и *spellbound*. Магические действия могут быть направлены на объекты «реального» мира, явления природы, животных и людей. В результате произведенного колдовского действия:

– преобразуется рельеф местности: *she threw her last egg; but in her haste she made a mishrow, and the egg, instead of falling behind her, fell in front of her, and immediately she found herself on the bank of a broad river that shut off farther flight* («The Ogre's Wife») (Johnson, p. 103);

– меняется погода: *he pronounced an incantation, and then by magic means known to himself alone, rapidly stilled the tempest, which the ill-timed curiosity of his pupils had brought forth* («The Magic Book») (Middleton, p. 77);

– предметы приобретают магические свойства: *She made animals out of the ashes that looked and moved like life; and trees with green leaves waving over tiny houses, with men and women an inch high in them, who, when she breathed on them, fell to walking and talking quite properly* («My Own Self») (Jacobs, 1894);

– животные теряют естественные свойства или приобретают магические (и наоборот): *After much pressure she gave way, and consented to repeat the simple words: «God bless the calves.» Mrs. Ambler then herself took the 'suppin' to the hungry calves, and to her delight they came to meet her at the door of their house, and ate their food with hearty appetite* («Betty Chidley the Witch») (Hartland);

– трансформируется облик или меняется физиологическое состояние человека: *So Lady Margaret went to bed a beauteous maiden, and rose up a Laidly Worm* («The Laidly Worm of Spindleston Heugh») (Jacobs, 1890);

– человек лишается воли: *and on it sat fair Burd Helen combing her beautiful golden hair with a golden comb. <...> And when she saw Childe Rowland she never moved, and her voice came like the voice of the dead* («Childe Rowland») (Steel).

Существительные *swearing*, *malison*, *curse*, *cursing* в сказочной картине мира обозначают насылаемое проклятие. Проклятие как отрицательно заряженная словесная формула, имеющая целью нанесение кому-либо вреда, представляет собой вид заклинания. Лексема *malison* прямо указывает на вредоносный характер магического действия. Ритуальный характер самого словесного действия, обращение за помощью к сверхъестественным силам отражаются в семантике *swearing* (*swear* – клятва, то есть утверждение, подкрепляемое упоминанием чего-то священного, авторитетного, по-настоящему ценного). Первоначальное значение лексем *curse* и *cursing* – «колдовство» [4, с. 58] и «гнев, ярость» (Ayto, p. 151). Разрушительный эффект проклятия, бросаемого в порыве ярости и гнева, реализуется в их внутренней форме: cf. OF *curuz anger*, L **corrumpere destroy* (Ayto, p. 151) и OIr *cûrsagim censure, chastise* (Hoad, p. 109).

Now the new Queen overheard this and she stamped her foot and her face flushed with anger as she turned her about and called: «You might have excepted me, / But I will bring May Margret to a Laidly Worm's degree» («The Laidly Worm») (Steel).

Противоположное им по значению существительное *blessing* также аккумулирует в своей семантике идею сакральности производимого действия, поскольку ее происхождение отдельные исследователи связывают с IE *blôtham blood (Ayto, p. 67).

Эффективность магических словесных формул, которые традиционно накладываются на определенную мелодию, зависит от технологической (процедурной) стороны ритуала, от порядка обрядовых действий при совершении магического акта. В сказочном дискурсе репродукция магических формул сопровождается детальным описанием условий, при ко-

торых их воспроизведение будет эффективным. В приводимом ниже примере (заклинании, призывающем фейри), в частности, эксплицируется сакральная информация о времени, месте, необходимых атрибутах и ритуальных действиях, многократно усиливающих эффект формулы.

Осуществление обряда лунной ночью, на опушке леса с использованием в качестве инструмента цветущих сережек отдельных видов деревьев активизирует в лингвосемиотическом пространстве сказочного дискурса музыкальный, метеорологический, флороморфный, пространственно-временной и другие коды. Сама ситуация вызывания фейри свидетельствует об укоренившихся в национальном сознании представлениях о них как материальном воплощении природных сил. Воспроизведение магической формулы рассказчиком, в свою очередь, требует от него комбинации разных видов народного искусства (пропевание формулы, использование движений, соответствующей жестикуляции и т. д.).

*She knew a charm to make de fairisees come; an' she showed it to a liddle gal, who later became a nanny. You had to do it **on a moonlight night** when the pollen was just ripe on the catkins. She would stand a few yards away in a woodland clearing with two small branches in her hands. The gold dust would come flying from the catkins as she waved them gently, and she sang a little song over and over in a low drawlin' husky voice – just as though she was coaxin' 'em.*

Come in the stillness, / Come in the night; / Come soon, / And bring delight. / Beckoning, beckoning, / Left hand and right; / Come now, / Ah, come tonight! («The Sweating Fairies») (Риордан, с. 7).

Заклинания в сказочном дискурсе сопровождаются особыми движениями и жестикуляцией, репрезентируемыми номинациями *wave, beckon (left hand and right), pass*. Характер их исполнения манифестируется знаками, денотирующими музыкальные произведения (*a little song*), процесс пения (*sing her charm; chant the spell; her voice chanting rhythmically*), способы взаимодействия (*coax*) и свойства голоса (*a low drawlin' husky voice*). Вся совокупность музыкально-хореографических и вербальных действий магического характера получает обозначения в языковой картине мира при помощи глагольных номинаций *weird, cast (under a spell)* и *do*

(*magic*). Средством акцентуации производимого магического эффекта становятся лексические повторы (*she sang a little song over and over; with spells three times three, and with passes nine times nine*), при которых нумерологический код теряет свое исходное значение и используется лишь для многократного усиления ритуального воздействия.

В англоязычном сказочном дискурсе магическая формула может быть развернутой. В ней могут:

- содержаться эксплицитные призывы сверхъестественной силы, реализуемые при помощи цепочки повторяющихся сочетаний с глаголом в повелительном наклонении (см. пример выше);

- присутствовать конструкции, сигнализирующие о персонификации неодушевленных предметов, превращающихся из объектов в субъекты действий, выраженных акциональными глаголами в повелительном или сослагательном наклонении (см. примеры ниже);

- упоминаться время действия заклинания и условия разрушения чар;

- содержаться развернутая характеристика предполагаемого результата трансформации человеческого облика как некоего отрицательно маркированного эталона.

Up stick and bang them! («The Ass, the Table and the Stick») (Jacobs, 1890).

By virtue of the three feathers from over my true love's heart may the shutters never cease banging till morning, and may Mr. Butler's hands be busy trying to shut them («The Three Feathers») (Steel).

And this was her spell: I weird ye to be a Laidly Worm, / And borrowed shall ye never be, / Until Childe Wynd, the King's own son / Come to the Heugh and thrice kiss thee; / Until the world comes to an end, / Borrowed shall ye never be. So Lady Margaret went to bed a beauteous maiden, and rose up a Laidly Worm («The Laidly Worm») (Jacobs, 1890).

В большинстве случаев, однако, магическая формула принимает вид обычных замечаний бытового характера: *You'll get no good of that pig* (Simpson, Roud, p. 339), *The calves wenna eat the suppin' now* («Betty Chidley the Witch») (Hartland) или *It's nothing at all but a bag of manure* («The Bag of Flour») (Hartland).

В англоязычном сказочном дискурсе наблюдаются также случаи полного свертывания

вания магической формулы: предметы с приобретенными магическими свойствами выступают в ритуальной ситуации в качестве инструментов магического воздействия. Объект магического воздействия, ничего не подозревая, выполняет определенные действия по просьбе субъекта магического воздействия (заглядывает в кастрюлю для приготовления пищи, выпивает особым образом приготовленный напиток и т. д.). Выполнение алгоритма навязанных действий приводит к магическому результату – полной или частичной трансформации облика (приобретение отдельных зооморфных черт) или смене физиологического состояния объекта (погружение в глубокий беспробудный сон). Подобные случаи есть сфера проявления контактиозной магии, основанной на законе контакта.

Контрзакливание, нивелирующее вредоносное воздействие магической формулы и восстанавливающее исходное состояние объекта магического воздействия, манифестируется сложными знаками *countercharm* или *an unspelling charm*, которые содержат элементы с семантикой противодействия. В ситуации снятия заклятия функцию контрзакливания могут также выполнять волшебные предметы, предметы-обереги или предусмотренные заклинанием действия.

Сакральные тексты и магические действия использовались в английской народной культуре в разных сферах повседневной жизни; в сказочном дискурсе нашли отражение врачевная и погодная области применения текстов фасцинирующего воздействия.

Магические формулы и действия как конституенты врачевной (лечебной) магии выполняют апотропеическую и катартическую функции. В магической семиотике сказочного дискурса, соотносимой с врачевной сферой, полностью отсутствует вербальная составляющая соответствующих ритуалов, компенсируемая знаками акционального, манипулятивного, фитоморфного, зооморфного, артефактного кодов.

Агентами негативного воздействия на физическое и психическое здоровье человека выступают сверхъестественные существа, преимущественно фейри и люди-маги. В основе причинности недуга лежит аксиологическая диада «добродетель – злодеяние». Нака-

зание болезнью настигает человека за лень, невыполнение обязанностей, любопытство, дурной нрав, сварливость, воровство и другие виды аморального и асоциального поведения. Случаи отступления от общепринятых моральных норм реализуются в сказочном дискурсе посредством знаков-предупреждений и знаков-предписаний, а негативные последствия – при помощи знаков манипулятивного кода и знаков неудачи:

We often use to dwell in some great hill, and from thence we do lend money to any that have need; but if they bring it not again, at the day appointed, we do not only punish them with pinching, but also in their goods, so that they never thrive, till they have paid us («Robin Goodfellow») (Merton, p. 171).

В лингвосемиотическом пространстве чудесного зафиксированы знаки-обозначения оружия, используемого фейри в качестве инструментов поражения человека. К ним относятся стрелы и дротики (*elf-bolt, elf-arrow, elf-shot, fairy-stone*), которыми они стреляют в свою жертву – человека или скотину. Гораздо чаще, однако, вербальную экспликацию получает не само оружие, а действие, которое им производится, и результат воздействия (*he struck her in the eye as he spoke and from that day to this old Dame Moll has been blind in the right eye*). В некоторых случаях оружие фейри может быть и более смертоносным: *the identical iron javelin of the fairy king had pierced through the thick oaken door, which for service as well as safety was strongly plated with iron, where it still stuck, and actually required the strength of the stoutest fellow in the company, with the aid of a smith's great fore-hammer, to drive it forth* («A Myth of Midridge») (Hartland).

Наиболее общими номинациями болезней, насылаемых сверхъестественными существами, являются *elf sickness, elf-disease, water-elf sickness, elf shot, elf-cake*, при этом жертва сверхъестественного воздействия приобретает характеристику *elf-marked*. К числу таких заболеваний относятся ветряная оспа, оставляющая на теле человека рубцы и оспины, ревматизм, смещение межпозвоночных дисков, любые физические уродства как результат невидимых, но очень глубоких ран. Человек также мог охрометь или ослепнуть, ступив в «ведьмин круг» (*fairy ring*). Слепо-

та могла наступить и в случае использования специальной магической мази (*fairy ointment*), позволяющей увидеть то, что для человеческого глаза не предназначено. Сказочная традиция имеет этому немало подтверждений. Наконец ветер (*fairy wind*), вызываемый эльфами, грозил человеку увечьями (Funk & Wagnalls, p. 366). Детские параличи объяснялись подменой здоровых детей уродливыми детьми фейри. Данные представления реализуются в системе номинаций «подменыша» (*changeling, oaf, ough*) и обозначениях физических и психических отклонений: *it could neither speak nor go, the poor woman was 'fain' to carry it, with much trouble, in her arms* («The Changling») (Ritson, p. 123).

Подвергшись нападению фейри, человек мог впоследствии страдать от судорог, небольших синяков – следов от их щипков, кожных заболеваний, сухотки и чахотки (Волшебные существа, с. 79–82). Последние два заболевания связывали с тем, что больной регулярно наносил принудительные ночные визиты на холмы фейри, откуда под утро возвращался измученным. Недостаток отдыха, вызывавший усугубление болезни, объясняли также проделками ведьм, превращавших людей в коней и развезжающих на них в ночное время. Представления о данных заболеваниях (причины заболевания, симптоматика, состояние больного) складываются в сказочном дискурсе из совокупности процессных знаков (включая манипулятивные) и знаков-обозначений физического состояния, сопровождаемых зооморфными, артефактными и соматическими знаками:

*Goody Dickisson threw the **bridle** upon him, using the following portentous words: «**Horse, horse, see thou be; And where I point thee carry me.**» Swift as the rushing wind, Robin felt their power. His nature changed; he grew more **agile and capacious**; and without, further ado found Goody upon his back, **his own shanks at an ambling gallop on the high road to Pendle. He panted and grew weary; but she urged him on with an unsparing hand, lashing and spurring with all her might, until at last poor Robin, unused to such expedition, flagged, and could scarcely crawl. But needs must when witches drive** («The Lancashire Witches») (Roby, II, p. 228).*

Средства исцеления от перечисленных заболеваний немногочисленны, поскольку по

народным поверьям подобные болезни неизлечимы: *He found himself in pain, and so hastened home; where, being arrived, lameness seized him all on one side, which continued on him as long as he lived...* («The Fairy Fair») (Hartland). Магический инструментарий, соотносимый с врачебной сферой, в основном объективирован фитоморфными – *a certain herb, a herb with a strange name*, минералогическими – *eaglestones (for women in labour), beads and holed stones (for sore eyes), Irish stones and sticks (against snake bites)* – и зооморфными (орнитоморфными) – *birdie* – знаками, сопровождаемыми единицами дескриптивно-оценочной семантики (*savoury*).

Широкое распространение погодной магии в народной культуре обусловлено верой архаического человека в способность сверхъестественных существ управлять погодой и климатом. Ведьмы и фейри поднимают бури и ураганы (*fairy wind*); появление дьявола и призраков сопровождается ухудшением погодных условий, раскатами грома и ударами молнии; водные духи регулируют уровень воды в источниках и количество осадков. Погоня Охотника со сворой собак (Дикая Охота) – *Gabriel's Hounds, Heath Hounds, Cwn Wybir, Devil and his Dandy-dogs, Gabriel Ratchets, the Spectre Horseman* – за душами своих жертв отражается в криках перелетных птиц. Связь великанов с метеорологическими явлениями сохраняется во внутренней форме их индивидуализирующих номинаций, атрибутике и производимых ими действиях, восходящих к германо-скандинавской мифологической традиции.

Основными лингвосемиотическими средствами, фиксирующими изменения погоды в результате магического воздействия, являются метеорологические знаки (*storm, winds, thunderbolts, clouds charged with hail and snow and rain, tempest; storms of rain and hail, attended with lightning and terrible claps of thunder*) и знаки-процессивы, представленные обозначениями движений, речи, процесса приготовления пищи (*raise a storm; still the winds; cackled, moaned, and danced, in this way calling up a wind; bake, boil, and brew storms; baked thunderbolts; boiled till out of her cauldron rose clouds; brewed winds; made*

furious storms). Природные явления, как правило, выступают в качестве объектов магических действий со стороны сверхъестественных существ. В некоторых случаях метеорологические феномены функционируют как субъекты действий разрушительной силы, которая может быть направлена и против их создателей:

It hurtled toward him so sharp that when a seagull flew between the ships it was instantly torn to shreds. But the moment the wind touched the outermost plank of rowan wood, it reversed upon itself. It swept toward the hags and tore them, screeching and screaming, to fragments which were swept away across the waves («The Laidly Worm») (Keding, Douglas, p. 72).

Разрушительная природа штормов и ураганов отражается в семантике qualificatивных знаков *furious storms, a frightful tempest, the fury of the sea, so furious were the breakers, terrible claps of thunder*.

Результат действия погодной магии в отдельных случаях проявляется в изменениях рельефа местности. Магические трансформации объектов физической географии становятся возможными благодаря использованию волшебных предметов, находящихся в собственности мифологических персонажей. Вновь создаваемые топонимические объекты, словно в свернутом виде, существуют в магических артефактах и сохраняют внешнее сходство и сущностную идентичность своим прототипам. Так, содержимое волшебного флакона превращается в водный поток (*her magic flask → a big, big wave*); гребень становится непроходимым кустарником (*my comb from my hair → a fine thick briar / the comb → a thick jungle*); летящий кинжал трансформируется в изгородь из острых лезвий (*my hair dagger → a thick hedge of sharp razors*). Источником объектов рельефа может служить яйцо, производящее гидрографические объекты (*a broad river*), стихии (*a long line of fire*), постройки и сооружения (*a high, strong wooden fence; a brick wall*) и являющееся реминисценцией мирового космического яйца, порождающего Вселенную. Образование топонимических объектов происходит при соприкосновении волшебного предмета с поверхностью земли, актуализируемом в знаках *throw back (down), flow out, cover the*

land, dash, в результате чего магические потенции артефактов репродуцируются силами природы и находят конкретное материальное воплощение.

Управление погодой может также осуществляться с целью победы над своим противником. В таких случаях погодная магия соприкасается с магией военной: *so she sent out her imps to still the winds so that the fluttering sails of silk hung idle on the masts*. Также: *and she sent out all her witch-wives and her impets to raise a storm, and sink the ship; but they came back unable to hurt it* («The Laidly Worm») (Steel). Военная область применения магии получает довольно слабую репрезентацию в сказочном дискурсе посредством сложных знаков, указывающих на интенциональный аспект производимых действий (*she chanted the spell that gives victory*).

Таким образом, виды магии (врачебная, бытовая, погодная и военная) тесно связаны между собой и реализуют катартическую, апотропеическую функции и функцию привлечения удачи. Правильное использование магических действий и текстов fascinatingого воздействия является залогом не просто хороших погодных условий или выздоровления от недуга, но общего благоденствия и благосостояния, репрезентированных в англоязычном сказочном дискурсе знаками удачи. Структурными элементами магической обрядности являются субъект обрядовых действий, цель, место и время обряда, обрядовый инструментарий, вербальный и акциональный компоненты, вводимые широким спектром вербальных (рестриктивы, прохитивы, директивы) и невербальных (метеорологических, артефактных, аудитивных, нумерологических, темпоральных, манипулятивных и др.) знаков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астафурова, Т. Н. Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст : монография / Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич. – Волгоград : Нива, 2008. – 244 с.
2. Коновалова, Н. И. Лечебные заговоры как суггестивный текст / Н. И. Коновалова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2004. – Т. 4, № 7. – С. 67–75.

3. Косарев, А. Ф. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость : учеб. пособие для вузов / А. Ф. Косарев. – М. : ПЕР СЭ ; СПб. : Унив. кн., 2000. – 304 с.

4. Маковский, М. М. Английская этимология / М. М. Маковский. – М. : Высш. шк., 1986. – 151 с.

5. Малиновский, Б. Магия, наука и религия / Б. Малиновский // Магический кристалл: магия глазами ученых и чародеев. – М. : Республика, 1992. – С. 84–127.

6. Москвина, В. А. Заговоры и народный эпос: к проблеме взаимодействия / В. А. Москвина // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – № 19. – С. 385–397.

7. Фрэзер, Дж. Дж. Золотая ветвь: исследование магии и религии / Дж. Дж. Фрэзер. – М. : АСТ, 1998. – 784 с.

8. Чернявская, Т. В. Дискурсивное пространство англоязычных предрассудков : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Чернявская Татьяна Владимировна. – Волгоград, 2008. – 17 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

Волшебные существа – Волшебные существа : энциклопедия. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 512 с.

Ожегов – Ожегов, С. И. Словарь русского языка : 70 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Рус. яз., 1990. – 921 с.

Риордан – Народные сказки Британских островов : сборник / сост. Дж. Риордан. – М. : Радуга, 1987. – 368 с.

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. ; Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965.

Аyto – Ayto, J. Dictionary of Word Origin / J. Ayto. – L. : Bloomsbury Publishing Plc., 2001. – 583 p.

Funk & Wagnalls – Funk & Wagnalls Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend. – N. Y. : Funk & Wagnalls Publishing Company Inc., 1972. – 1236 p.

Hartland – Hartland, E. S. English Fairy and Other Folk Tales / E. S. Hartland. – L. : Walter Scott, 24 Warwick Lane, Paternoster Row, 1890. – Electronic text data. – Mode of access: www.sacred-texts.com/neu/eng/efft/index.htm (date of access: 16.03.2004). – Title from screen.

Hoad – Hoad, T. F. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology / T. F. Hoad. – Oxford ; N. Y. : Oxford University Press, 1996. – 552 p.

Jacobs, 1890 – Jacobs, J. English Fairy Tales / J. Jacobs. – L. : David Nutt, 1890. – Electronic text data. – Mode of access: www.sacred-texts.com/neu/eng/efft/index.htm (date of access: 16.03.2004). – Title from screen.

Jacobs, 1894 – Jacobs, J. More English Fairy Tales / J. Jacobs. – L. : David Nutt, 1894. – Electronic text data. – Mode of access: www.sacred-texts.com/neu/eng/meft/index.htm (date of access: 16.03.2004). – Title from screen.

Johnson – Johnson, C. The Oak-Tree Fairy Book / C. Johnson. – Boston : Little, Brown & Co., 1905. – 365 p.

Keding, Douglas – Keding, D. English Folktales / D. Keding, A. Douglas. – Westport, L. : Greenwood Publishing Inc., 2005. – 231 p.

Merton – Merton, A. The Old Story Books of England / A. Merton. – Westminster : Joseph Cundall, Old Bond St., s. a. – 244 p.

Middleton – Middleton, Th. Legends of Longdendale / Th. Middleton. – Hyde : Clarendon Press, 1906. – 119 p.

Ritson – Ritson, J. Fairy Tales / J. Ritson. – L. : Thomas Davison, 1831. – 207 p.

Roby – Roby, J. Popular Traditions of Lancashire / J. Roby. – L. : Henry G. Bohn, 1843. – Vol. I–III.

Simpson, Roud – Simpson, J. A Dictionary of English Folklore / J. Simpson, S. Roud. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 412 p.

Steel – Steel, F. A. English Fairy Tales / F. A. Steel. – L. : Macmillan and Co. Ltd, 1918. – Electronic text data. – Mode of access: http://www.mainlesson.com/display.php?author=steel&book=english&story=_contents (date of access: 14.03.2004). – Title from screen.

LINGUOSEMIOTICS OF MAGIC IN FOLK TALE DISCOURSE

Astafurova Tatyana Nikolaevna

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Foreign Languages for Specific Purpose,
Volgograd State University
pic@volsu.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Plakhova Olga Aleksandrovna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Department of Theory and Methods of Teaching of Foreign Languages and Cultures,
Toliatti State University
plakhova_oa@mail.ru
Belorusskaya St., 16v, 445667 Toliatti, Russian Federation

Abstract. The paper is aimed at linguosemiotic description of medical and weather magic in English folk tale discourse. The subject and objects of ritual activity, aim, place and time of the ceremony, ritual instruments constitute the structure of magic activity.

Key words: linguistic semiotics (linguosemiotics), sign, cultural code, folk tale discourse, mythological consciousness, world model.